

Филимонов Анатолий Васильевич,
кандидат исторических наук, профессор Псковского
государственного университета (г. Псков)

166-й Краснопресненский полк в Опочке (1920-е гг.)

С середины 1920-х гг. в Псковской губернии дислоцировалось одно из боевых соединений Красной Армии – 56-я Московская стрелковая дивизия, родившаяся в 1919 г. в период боев под Петроградом. Название «Московская» ей было присвоено постановлением РВСР по согласованию с ЦК РКП(б) 20 октября 1920 г., а на следующий день Исполком Московского Совета принял над ней шефство. В 1921 г. части дивизии были перебазированы в Новгородскую губернию – в район Старой Руссы, а в июне следующего 1922 г. дивизия была свернута в три полка и окончательно перешла на мирное положение. «Московские» названия стали носить и полки: 166-й – Краснопресненский, 167-й – Замоскворецкий, 168-й – Рогожско-Симоновский.

В октябре 1923 г. на дивизию была возложена задача по проведению в опытном порядке перевода на территориально-милиционный принцип формирования. Она провела первый опыт территориальных сборов в Новгородской, частично в Петроградской и Псковской губерниях, а в 1924 г. полностью стала территориальной.¹

Территориально-милиционная, т.е. смешанная система комплектования воинских частей, была закреплена Декретом СНК СССР от 8 августа 1923 г. и проведенной в середине 1920-х гг. военной реформой. Она означала сочетание ограниченного контингента кадровых войск с обучением основной массы военнообязанного населения, периодически призываемого на сборы, что значительно удешевляло содержание армии.

В июле-августе 1925 г. 56-я Московская дивизия была перебазирована в Псковскую губернию, что было сопряжено с немалыми трудностями размещения и устройства частей на новом месте. Накануне перевода, 29 июня 1925 г., Президиум Псковского губисполкома обсудил вопрос «О расквартировании частей 56-й стрелковой дивизии», а 3 августа создал специальную «тройку», оперативно решавшую намеченные практические вопросы. Местом дислокации 167-го Замоскворецкого полка стал Псков (3-й батальон его разместили в Острове), 168-го Рогожско-Симоновского – Порхов (3-й батальон его дислоцировался в Сольцах), а 166-го Краснопресненского – Опочка.²

Если в Пскове сохранились дореволюционные здания для размещения воинских частей, то здесь вопрос решался гораздо проще, хотя определенные сложности и возникали. Гораздо больше проблем с размещением частей было в уездных городах губернии, где готовых казарменных зданий не имелось.

Идеальным выходом была бы их постройка, но для этого требовалось время и немало средств, а пока что приходилось приспособлять и ремонтировать все более-менее подходящие здания, хотя они чаще всего далеко не соответствовали необходимым требованиям. Помимо этого требовалось оборудовать сборные пункты переменного состава, обеспечить жильем семьи командного и политического состава, что в условиях острого «жилищного кризиса» тоже было сделать нелегко. Не являлась исключением и Опочка, хотя здесь проблема разрешилась по сравнению с другими городами гораздо проще.

Накануне прибытия полка, 13 августа 1925 г. на собрании Опочечской организации РКП(б) выступил представитель воинской части Левин, рассказавший о переходе «от казарменной армии к милиционной», коснувшийся вопроса о создании терчастей в Опочечском уезде и призвавший все уездные организации оказать в этом деле необходимую помощь. Иначе говоря, он познакомил актив уезда с основными положениями военной реформы, которые надлежало претворять в жизнь.³ Через день, 15 августа 1925 г., бюро Опочечского укома РКП(б) обсудило вопрос «О встрече прибывающего терполка», утвердив план основных мероприятий,⁴ а вслед за ним Опочечский уисполком сообщил губисполкому:

«Для размещения прибывающей воинской части из г. Старая Русса 18 августа с. г. вследствие жилищного кризиса и полного отсутствия приспособленных помещений, предполагалось освободить к 10 августа с. г. винный склад со всеми находящимися в нем зданиями, за исключением имущества, – как одно из подходящих зданий в Опочке. Но помещение требует капитального ремонта, при размещении в нем воинской части она принимает ремонт на себя. Но занятию склада чинит препятствия уполномоченный Госспирата, который якобы предполагает открыть базисный склад спирта...». В связи с этим уисполком обращался к губисполкому с просьбой дать согласие «на размещение прибывающей в Опочку воинской части в указанных зданиях», а если вопрос не разрешится, то предлагал «вообще в Опочке ее не размещать».⁵

В конечном счете вмешательство губисполкома помогло вопрос решить, помещение означенного склада было приспособлено под казармы красноармейцев и сборный пункт переменного состава. С размещением штаба и ряда служб дело обстояло даже лучше по той причине, что еще до прибытия полка в Опочку военное ведомство располагало весьма удобным зданием – четырехэтажным каменным корпусом на Советской площади, который и раньше использовался для размещения воинских частей. Он имел большое количество комнат: 22 – на первом этаже, 13 – на втором, 22 – на третьем и 17 – на четвертом, т. е. в общей сложности 74 комнаты. Но после окончания Гражданской войны у здания оказалось два «хозяина»: часть его использовал уездный военкомат, а другую – общий отдел уисполкома, хотя корпус был

национализирован, т. е. находился в собственности государства, а указанные организации им лишь пользовались. Военкомат занимал всего 14 комнат второго этажа, которых ему хватало с лихвой, и некоторые с целью получения дополнительных доходов он начал сдавать в аренду. Общий отдел тоже часть помещений сдал в аренду под складские и торговые помещения, а также вселил в здание школы I и II ступени с общим количеством обучающихся свыше 700 чел. Рано или поздно нужно было выработать согласованное решение о совместном пользовании зданием, и развернулась череда переписки с различными инстанциями. Общий отдел не желал уступать, и, считая себя главным хозяином здания, заявлял, что «гарнизон Опочки во время нахождения в мирной обстановке насчитывает в себе десяток-другой красноармейцев, и передача всего здания под постой такого немногочисленного гарнизона и канцелярии нецелесообразна». Он делал упор на то, что большую часть здания занимают школы, и уже поэтому его передавать целиком в пользование военкомата нельзя. Такого же мнения придерживался уездный отдел местного хозяйства, считая, что «передача корпуса военному ведомству лишает общий отдел доходных источников» (имея в виду сдачу в аренду части помещений), а военное ведомство «использовать по прямому назначению» все здание просто не может. Последнее же ссылалось на распоряжение Военно-инженерного управления ЛенВО, которое полагало, что все здания, находившиеся ранее в военном ведомстве, должны у него и оставаться.

Псковский губисполком 18 февраля 1924 г. постановил передать здание военному ведомству при условии, что губвоенкомат сможет поддерживать его в должном порядке и, прежде всего, производить ремонт. Но Опочечский уисполком этого предписания не выполнил, поэтому в губисполком обратился уже военкомат, который просил уездные власти «призвать к порядку» и «понудить Опочечский уисполком ускорить передачу здания», добавив, что в дальнейшем не будет чинить никаких препятствий для работавших в нем школ. В конечном счете в ноябре 1924 г. были выработаны «соображения по вопросу использования городского корпуса», которые сводились к тому, что все останется по-прежнему: владеть помещениями будут, как и ранее, военкомат и общий отдел. Все ремонтные работы по сохранению здания и приспособленных помещений должны были производиться «пропорционально занятой площади общим отделом и уездным военкоматом». При этом военкомат решил использовать «правую половину второго этажа под мобилизационный отдел, канцелярию, отдел военной подготовки, кладовые и пр.», левую сторону третьего этажа – «под губернский сборный пункт», левую сторону четвертого этажа – «под сборный пункт мобилизованных», а на первом этаже располагались хозяйственные, служебные и складские помещения (например, кухня, хлебопекарня и др.). За

общим отделом оставалась вся остальная часть здания. 3 декабря 1924 г. с этими «соображениями» согласился Опочечкий уисполком.⁶

Все это было еще до прибытия в Опочку 166-го Краснопресненского полка, и о том, что он окажется здесь, тогда еще никто не предполагал. Но когда местом дислокации его была избрана Опочка, то штаб и некоторые службы полка заняли находившиеся в городском корпусе помещения, которыми пользовался военкомат, что и создало для него более-менее благоприятные условия. В начале 1926 г. начальник теруправления губернии П. А. Балуков даже подчеркнул, что в Опочке условия расквартирования оказались вполне «сносными».⁷ Во всяком случае полк удалось разместить компактно в отличие, например, от Порхова, где аналогичная воинская часть оказалась разбросанной по всему городу, заняв 32 различных здания. В ряде мест воинские части временно занимали здания школ, и впоследствии возникали конфликты с органами народного образования, требовавшими освободить таковые. В Опочке подобных конфликтов не отмечалось, хотя и здесь не все было идеально.

В августе 1925 г. Псковский губисполком направил в адрес нескольких уисполкомов губернии, в том числе Опочечкого, предписание, в котором подчеркивал: «В связи с быстрым переходом частей 56-й дивизии на территорию губернии, размещение таковых по уездам произошло не везде полностью по ранее намеченному плану – частично от того, что уисполкомы не передают в распоряжение воинских частей ранее намеченные помещения, частично от того, что отведенные помещения требуют капитального или восстановительного ремонта». Поэтому губисполком предлагал «принять срочные меры к немедленному размещению воинских частей и семей командного и политического состава», произведя там, где этого требовала обстановка, уплотнение складочных и жилых помещений, для проведения ремонта временно передать в распоряжение военно-строительных комиссий техников-строителей из гражданских организаций.⁸

56-я дивизия с ее полками находилась в Псковской губернии еще в стадии размещения, но уже 7 августа 1925 г. был подписан приказ о подготовке к 21-дневным сборам терармейцев 1899-1902 гг. рождения. Руководители предприятий, учреждений и организаций, а также органы власти и милиции обязывались принять все меры к обеспечению своевременной явки приписного состава. В программу занятий входили: история и задачи Красной Армии, опасность новых войн, огневая и строевая подготовка, помощь при ранениях, защита от отравлений и др. Касались эти предписания и 166-го Краснопресненского полка. В связи с этим встали дополнительные задачи, связанные с отводом помещений под сборные пункты приписного состава, их оборудованием, организацией питания терармейцев и др. В Опочке для этих целей было отведено четыре коммунальных дома, но все они требовали ремонта на общую сумму 7 тыс.

руб.⁹ Впрочем, потребность в сборных пунктах существовала только на начальном этапе сборов и в зимнее время, т. к. летом и в начале осени, если позволяла погода, учеба проводилась в летних палаточных лагерях.

Но даже в этих условиях первый опыт терсборов 166-го полка прошел неплохо. Как докладывал на заседании укома РКП(б) 26 сентября 1925 г. военком полка Копаев, «сбор терармейцев проходит удовлетворительно, благодаря хорошему оповещению явилось 98% из 100, настроение терармейского состава хорошее, учреждения и организации оказывали необходимую помощь». Уисполком по итогам обсуждения признал «проведенную работу по сбору вполне удовлетворительной».¹⁰ По окончании же первых сборов 2 октября 1925 г. уком партии постановил принять над терчастями шефство, закрепив за каждой ротой соответствующую уездную организацию, ячейку или предприятие: кожевенный завод – за 7-й ротой, советскую организацию – за 2-й, кооперативную – за 8-й, просветительскую – за 9-й, производственную и военную – за пулеметными ротами, станцию Опочка – за хозяйственной командой. Шефство носило переменный характер: по окончании сборов оно прекращалось, а при новом призыве терармейцев возобновлялось; шефы призваны были оказывать им всяческую помощь, и прежде всего, популяризировать военные знания в массах, способствовать качественному проведению сборов.¹¹

Все это, однако, не снимало проблем по материальному обустройству полка в месте постоянной дислокации, оборудованию не только казарменных помещений, но и других необходимых служб. В ноябре 1925 г. командование полка информировало губисполком о том, что «в октябре месяце полку необходимо было приступить к стрельбам – как ружейным, так и пулеметным, в противном случае проведенный сбор был бы сорван. Стрельбища же не только соответствующего, но вообще никакого вблизи Опочки не было. Надо было срочно приступить к расчистке того участка, который был выделен УЗУ. Этот вопрос находился на разрешении НКЗ, но Опочечское УЗУ взяло смелость и предоставило полку маленький участок для расчистки. Весь материал – лес от расчистки – был использован для устройства и оборудования тира. Позже оказалось, что полку требуется уплатить за эту древесину 107 руб. 20 коп....». Но полк необходимых средств не имел, поэтому командование просило губисполком либо вообще освободить его от уплаты, или хотя бы от 50% торговой надбавки.¹² Это лишь один из примеров возникавших трудностей или проблем, а таковых было немало.

В 1926 г. помимо помещения винного склада и городского корпуса 166-му полку было передано здание бывшей конно-почтовой станции в Опочке. До 1922 г. оно использовалось под квартиры, а текущий ремонт производился городским коммунальным отделом. После этого в течение ряда лет – до 1926 г. здание находилось в арендном пользовании, было по

существованию бесхозным и оказалось в полуразрушенном состоянии. Полк же, которому здание передали в 1926 г., своими силами и средствами привел его в более-менее нормальный вид. В 1926/27 г. он же произвел капитальный ремонт и переоборудование здания и прилегающих к нему строений, в которых разместились хозяйственная рота, артиллерийский дивизион и конюшни. Затрачено на это было 18 тыс. руб., но неожиданно на помещения начало претендовать дорожное управление, возбудившее ходатайство о передаче их в его ведение. Но для этого требовалось куда-то перевести подразделения полка, а в Опочке подходящих зданий не имелось. Началась длительная переписка с вышестоящими органами, вплоть до Ленинградского облисполкома и СНК РСФСР, и в конечном итоге полк эти помещения потерял.¹³

Сборы же терармцев, впервые проведенные в августе-октябре 1925 г., становились регулярными, а в начале осени 1926 г. на территории нескольких уездов – Опочецкого, Новоржевского и Островского, состоялись большие армейские маневры с участием нескольких тысяч человек. Размещались они в летних лагерях, т. е. в палатках, но командование совместно с советскими органами на случай ненастной погоды принимало меры по расселению их в крестьянских избах, т. е. непосредственно среди населения, поэтому рекомендовало провести соответствующую работу, – с тем, чтобы «отношение к красноармейцам было доброжелательное, обратить внимание на появление незнакомых лиц, вести борьбу со шпионажем, подозрительных и замеченных в сборе сведений немедленно задерживать и препровождать в ближайшие воинские штабы».¹⁴

Подобные масштабные учения являлись все же нечастыми, а сборы переменного состава проводились почти без перерыва: один поток сменялся другим, постоянное их проведение находилось под контролем уездных организаций. Так, 14 апреля 1927 г. доклад военкома полка Копяева «О подготовительной работе к весеннему терсбору» новобранцев 1904 г. р. в очередной раз заслушал Опочецкий уком ВКП(б), постановивший «в целях обеспечения полной и своевременной явки состава на сборы провести разъяснительную кампанию среди населения, дать директиву ВЛКСМ и сельсоветам о своевременном оповещении», и, «учитывая недостаток отпущенных полку средств на политпросвет обучение переменного состава», предложил уисполкому отпустить необходимые средства.¹⁵ В следующем месяце военком представил обстоятельное политдонесение начподиву 56-й дивизии, в котором отмечал:

«8 мая согласно директиве во всех волостях Опочецкого уезда проведены собрания переменного состава. На них присутствовали: переменников – 458 чел., новобранцев 1904 г. – 290, допризывников – 59, граждан – 87, всего 874 чел. Собрания прошли оживленно, по докладом задано 105 вопросов. Оборудование лагеря велось общелагерной ремонтно-

строительной комиссией и людьми полка, к моменту перехода полка в лагерь он готов на 75%: закончены все работы за исключением четырех палаток – из-за недостатка строительных материалов (теса), столовая, конюшни, кухни, складочные помещения вполне удовлетворительны. Новобранцы явились дружно и своевременно, настроение прибывшего состава было бодрым, единственная сложность – совпадение учебы с работами в деревне. Обмундирование, санитарная обработка, снаряжение прошли безболезненно, при медицинском освидетельствовании обнаружился большой процент чесоточных, их поместили в изолятор и подвергли лечению. В лагерь полк следовал по железной дороге двумя эшелонами. Первый эшелон вышел из Опочки 16 мая ночью, прибыл в лагерь 17 мая, второй эшелон выбыл из Опочки 17 мая днем, прибыл 18 мая. По пути следования проводилось чтение газет – полк снабжен ими в достаточном количестве, разучивались песни, играли гармони. Настроение людей было вполне бодрым. При отправлении эшелонов из Опочки были устроены торжественные проводы, в которых принимало участие большое количество местного населения. К нормальной учебной жизни полк приступил с 23 мая. Политико-моральное состояние красноармейцев и начсостава устойчивое, настроение бодрое...».

Всего подлежало явке на сборы 951 чел., явилось в первый день (14 мая 1927 г.) – 669, во второй – 238, в третий – 4, а всего в установленные сроки – 931 чел. (не явилось 20 чел., из которых 13 по различным причинам были освобождены от сборов, а остальные 7 чел. находились под арестом в исправдоме). Обращает внимание почти поголовная неграмотность призванных: так, из жителей Опочецкого уезда грамотными оказались всего 39 чел.¹⁶

В новом политдонесении от 16 июня 1927 г. военком сообщил ряд дополнительных сведений о материальном обеспечении полка, в том числе призванных на сборы:

«Продукты, за исключением овощей, получены полностью, перебоев не было. Пища для красноармейцев готовится разнообразная, жалоб на плохое питание не наблюдалось, за исключением хлеба, которого для новобранцев положенного пайка не хватало. Обмундированием полк обеспечен на 100%, переменный состав тоже. Белье и обмундирование из полученного в прошлом году из округа находится в удовлетворительном состоянии. Размещается полк в лагерных палатках – в каждой по 9-12 чел., палаточных помещений не хватает – желательно иметь их 70 штук. Крытыми помещениями он снабжен в достаточном количестве, хотя имущество находится под открытым небом, но хранение его удовлетворительно. Смена белья производится, баня отпускается. Семейный начсостав в подавляющем большинстве живет на частных квартирах. Жилищные условия вообще удовлетворительные, хуже дело с питанием – столовая из-за дороговизны и нужного количества обедов систематически начсостав не устраивает, на местном рынке не всегда можно

достать необходимые продукты, в частности, нигде нет мяса. Кооперативные магазины своим ассортиментом тоже не удовлетворяют. Плохо и с культурным обслуживанием...».¹⁷

А 30 июля 1927 г. военком полка Копаяев выступил с обстоятельным докладом о ходе обучения терсостава 1904 г. р. и новых предстоящих сборах на пленуме укома ВКП(б), на что партийный орган уезда в своем постановлении записал: «работа проведена вполне удовлетворительно, явка была полной и своевременной, не явились по невыясненным причинам 0,5%. Учебно-воспитательная работа протекала хорошо. Уком и уисполком оказывали полку материальную помощь – ассигновали средства на спортимущество, приобретение продуктов», но «недостаточно обращалось внимание на оказание помощи хозяйствам красноармейцев, призванных на сборы, льготы по семейному положению, по ликвидации неграмотности среди допризывников и переменников».¹⁸

2 марта 1928 г. президиум Опочецкого горсовета (Опочка к этому времени превратилась уже из уездного центра в районный) в очередной раз заслушал доклад «О состоянии воинских частей», отметив, что «положение вполне удовлетворительное, но необходимо улучшить электроосвещение и оборудовать парикмахерскую».¹⁹ В продолжение указанной рекомендации 12 октября 1928 г. горсовет поручил промкомбинату «в срочном порядке» составить смету «на электропроводку в помещения полка по себестоимости».²⁰ Через четыре месяца, в феврале 1929 г., горсовет передал в ведение полка «под культпросветучреждение» помещение закрытой Успенской церкви,²¹ в декабре 1931 г. рассмотрел вопрос «О предоставлении квартир начсоставу 166-го полка».²²

По-прежнему оставались «на контроле» у партийных органов, теперь уже Опочецкого райкома ВКП(б), вопросы проведения военных сборов. Например, 11 апреля 1932 г. он заслушал доклад «О терстроительстве и подготовке к терсбору», и, констатировав «известные успехи в деле терстроительства в районе в 1931 г.», в то же время подчеркнул, что «еще не изжиты факты недостаточной бдительности при комплектовании полка и, как следствие, не устранены еще случаи проникновения в полк классово-чуждых элементов», недостаточна в районе сеть военных уголков, а оборудование их не отвечает потребностям, в бюджете райисполкома не предусматривается отпуск средств на терстроительство, не обеспечена должная сохранность инвентаря и имущества, слабо поставлена межсборовая работа с переменным составом и др.²³

Менее чем через месяц, 4 мая 1932 г., военком полка Березин представил бюро райкома новый доклад о состоянии воинской части, и бюро в очередной раз подчеркнуло, что «политико-моральное состояние полка здоровое, вполне устойчивое, начсостав и красноармейцы бдительно следят за ходом международных событий и имеют большой интерес к ним, имеется

определенный перелом в деле стрелковой подготовки, в вопросе дисциплины сохраняется стабильность, но политзанятия усвоены красноармейцами слабо – на 15,9%...». Бюро поручило горсовету в двухмесячный срок передать полку 15 домов и помещение столовой, а РОНО – оборудовать для полка детскую комнату, на лагерный период обеспечить получение полком 200 экз. газет, в районной газете «Колхозная стройка» выделить специальную «военную» страницу.²⁴

В июне того же года бюро райкома партии вновь проанализировало работу по организации сборов полка, на которые явилось 97% новобранцев. «Лагерная учеба развернута своевременно, отмечаются значительные достижения в постановке стрелкового дела (полк на инспекторской стрельбе вышел на 1-е место в дивизии), политзанятий, строевой подготовки», – подчеркнуло бюро. В то же время оно заметило, что «среди новобранцев и вневойсковиков есть отдельные чуждые элементы, просочившиеся из-за недостаточной бдительности местных сельсоветов. Имеется 4 случая враждебных выступлений на политзанятиях...». Рекомендовано было информировать полк о «всяких проявлениях заразных болезней в районе», в связи с чем «сделать прививку всему составу, подлежащему явке на сборы в полк, а также и новобранцам», посчитали также необходимым организовать несколько выездов в лагерь (6 июля, 1 августа и в сентябре) районных работников.²⁵ Вновь, как и в 1925 г., решено было закрепить за подразделениями полка шефство предприятий и учреждений.²⁶

Дислокация 166-го Краснопресненского полка в Опочке внесла в общественно-политическую и культурно-просветительную жизнь небольшого города ряд новых моментов. Вошли, например, в практику военные праздники, в которых принимали участие и жители города, руководители уезда и представители трудовых коллективов приглашались для участия в других торжествах полка. В праздники «красного календаря» в городе проходили парады и митинги полка, спортивные выступления и игры, на предприятиях и в учреждениях регулярно проводились беседы по истории 166-го полка, 56-й Московской дивизии и Красной Армии.

Примечания

- ¹ Псковский набат. 1926. 13 октября и 24 ноября; 1928. 24 ноября; 1929. 22 и 24 ноября; Псковский колхозник. 1930. 24 ноября; 1933. 12 сентября; Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 211. Л. 103; Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 16. Л. 86.
- ² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1606. Л. 187-188, 197; оп. 2. Д. 140. Л. 55.
- ³ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 408. Л. 26.
- ⁴ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 405. Л. 145.
- ⁵ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 140. Л. 37.
- ⁶ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1321. Л. 562-569.
- ⁷ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1824. Л. 275.
- ⁸ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 140. Л. 53; ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 544. Л. 27, 31, 56.
- ⁹ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 140. Л. 382.
- ¹⁰ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 405. Л. 181.
- ¹¹ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 426. Л. 111.
- ¹² ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 140. Л. 377.
- ¹³ ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 69. Л. 44-45, 47, 50.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 192. Л. 2.
- ¹⁵ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 532. Л. 71, 73.
- ¹⁶ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 537. Л. 1-5.
- ¹⁷ Там же. Л. 113.
- ¹⁸ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 532. Л. 112, 131.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 170. Л. 50.
- ²⁰ ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 171. Л. 6.
- ²¹ Там же. Л. 70.
- ²² ОДНИЛС ГАПО. Ф. 6749. Оп. 9. Д. 138. Л. 221.
- ²³ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 6749. Оп. 9. Д. 180. Л. 1, 23-24.
- ²⁴ Там же. Л. 37-41.
- ²⁵ Там же. Л. 129-130.
- ²⁶ ОДНИЛС ГАПО. Ф. 6749. Оп. 9. Д. 181. Л. 115, 117.